

Интеллигенция в вихрях политики.

свобода без просвещения приводит

Просвещение ведет к свободе, но к анархии и вседозволенности.

Михаил ПУГОВКИН:

Моск. правда - 1991 - 13 июля.

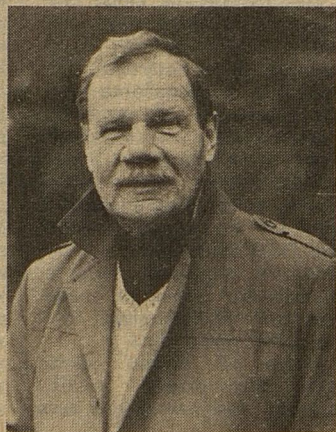
Испить бы из родника

Мы продолжаем серию материалов, в которых известные деятели науки и культуры высказывают свою точку зрения по наиболее злободневным проблемам нашей жизни. Слово — народному артисту СССР Михаилу Пуговкину.

— Михаил Иванович, согласившись на интервью «Московской правде», вы, однако, сразу предупредили, что веселого разговора не получится. И все же — какой видится роль интеллигенции с ее ореолом жертвенности и долга, тем более в нынешнее сложное время?

— Давайте «заземлим» столь высокое понятие, как «интеллигент», ограничимся, например, «носителем культуры». Как ни досадно признавать, но даже этот слой у нас основательно разрушен. Чего стоит оголтелая ругань наследников Толстого и Чехова на российском писательском съезде! Разумеется, ближе знакома мне ситуация в Союзе кинематографистов. Здесь, как говорит современная молодежь, worse-е-е... Вы посмотрите, как делают кинематографический пирог! Пока новое руководство прилаживается на свежей скатерти отхватить кусок пожирнее, юные и не очень юные пострелы, которые всюду поспели, норовят подобрать крохи, из которых лепят полнометражную чернуху, порнуху и тому подобные «шедевры».

Я недавно прочел дневники Дашковой, и запомнилась такая мысль: просвещение ведет к свободе, но свобода без просвещения приводит к анархии и вседозволенности. Что мы в

полном объеме сейчас и имеем.

Недавно в «Кинопанораме» некий юноша заявил: «Старое поколение ничего нам не оставило...». Позвольте, да ведь если только о кино говорить, как же быть с Эйзенштейном, Пудовкиным, Пырьевым. Ромом, Калатозовым? Любопытно бы взглянуть, что этот гардемарин оставит потомкам. Свободу-то им дали, но, как пел Высоцкий, «что с ней они делать будут»? Оглянитесь, ведь дети поднимают руку на отцов и матерей, топчут могилы, даже хоронить мы по-человечески разучились. Так дай мне, свободный ты мой, испить родниковой воды... Дай людям умыться искаженные злобой лица... Так нет ведь: несть числа «шедеврам» с душком, да еще под сладкий лепет о высоком гуманизме...

— Но, может быть, здесь-то как раз и дает себя знать отсутствие подлинных интеллигентов? Ведь традиционно про-

свещение в народ несли именно они...

— Согласен с вами. Смотрите, что происходит. Мы избрали корпус депутатов всех уровней. И кто бы они ни были по профессии и происхождению, обещания-то благие давались не только по благоустройству «окружных избирательных» территорий, но и по благоустройству духовной жизни. Да разве наши, в частности московские, депутаты уже и по улицам не ходят, и в переходы подземные в прямом смысле слова не спускаются? Картинки, календарики в ларьках... Крепкие парни шнурочками цветными торгуют... Создается ощущение, что эта вседозволенность — тоже часть политической игры. Как спрашивал Остап Бендер сыгранного мною героя, отца Федора: «Почем опиум для народа?». И вот о чем еще не могу не сказать. Религия... С истинной верой — в Магомета ли, в Христа ли, в человека — с этим всегда сложно. А вот культовая, обрядовая сторона — дорогого ли стоит? Когда я вижу, как в коммерческой палатке рядом черт-те с чем — господи, прости — иконки продают, я, честное слово, киплю от возмущения. И самое оскорбительное — что и это тоже политика.

— Так уж и политика?

— А сейчас все политика. Ливень прошел, и этого достаточно, чтобы жизнь в Москве встала. Это не политика? За пивом час на жаре отстоишь, а эта, простите, «будка» в окошке рычит: «Бутылку в обмен давай!». Политика? Политика! Тут я за хлебом в час пик угодил. Меня узнали, и к кассе под

локоток: «Торопитесь, дескать, Михаил Иванович... В порядке исключения...». Так вот, я «в порядке исключения» не желаю.

— Вы, Михаил Иванович, беспартийный. И тем не менее активно участвуете в общественной жизни, занимаете четкую гражданскую позицию...

— У меня три дочери, внуки, разве не болит сердце видеть, что кругом творится?

А в partito я действительно не вступил. Потому что видел, кто да зачем в partito вступал. Одному — звание внеочередное, другому — роль главную в приказном порядке... Я ниже своего достоинства считал в одной partito с такими людьми состоять. Мне звание, смею надеяться, народ давал, а не партийное руководство. А сейчас-то они где, те бывшие носители идеологических масок? А нету их, потому что маски сорваны. Нынче они же из partito и бегут, не знаю, может, на выходе даже давка образовалась. А может, теперь как раз за это бегство звания дают?.. Знаю только, что вступил я в partito единомышленников, как они в свое время об этом заявляли, я для выгоды своей сейчас бы из partito не вышел.

— Может быть, как раз сейчас мы и пытаемся строить общество, где не стыдно будет смотреть в глаза детям и внукам. А строить его, в ближайшие годы во всяком случае, придется под руководством новых Президента, мэра, депутатов... Какие надежды вы лично возлагаете на них?

— Вот, пожалуй, самая недостая часть разговора. Пото-

ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.

Испить бы из родника

НАЧАЛО НА 1-й СТР.

му что до сих пор мы с вами вспоминали, что было, да ахали, до чего дожили. Но главное-то — что дальше?

Вот я наблюдаю за «эволюцией» депутатов Моссовета. Большие успехи некоторые сделали! Ведь до чего дошло — к микрофону очереди! Вы где последний раз очередь на работу видели? Я только слышал, что такое бывает — когда горожане подражаются за натуроплату клубнику в совхозе убирать. А здесь, получается, слово в микрофон молвить — и есть главная работа!

Тут я в вашей газете недавно прочел — водители общественного транспорта пригрозили забастовкой, если не будут отремонтированы улицы, по которым маршруты проходят. Там был назван и Астраханский переулок, хорошо запомнил, — почти рядом с моим домом. Прочитал и — ахнул! Центр Москвы, а дело до забастовки дошло! Ну, а за опытом наши депутаты все

больше за океан на самолете, а за молоком, за хлебом? Да нужно такие brave да активные колдобин да колодцев вечно открытых не заметили? А вот смотрю на выступления иных депутатов и думаю: очень даже может быть. У них ведь не «лица вообще выражение», а имидж! Они ведь не работают у микрофона, а мелькают, показываются. Как иной наш брат режиссеру, чтоб в кино пригласили. Так если для этого, так уж лучше кого-нибудь из нашего актерского цеха позвать выступить: тут сам Станиславский вскричал бы: «Вот этому верю!». Помните, некая блондинка на съезде о незаслуженных привилегиях гневно так говорила... Лично я верил ей, да что-то из виду ее потом потерял. Или уж ее запросы — депутатские или иные какие — удовлетворены полностью? Так-то.

А ведь это главное — дело пора делать. У нас в театре актер был — все-то у него на репетициях что-то не клеилось, не вытанцовывалось, но держался, как

Савонарола: «Вот, погодите, генеральная придет, я дам...». Пятая, десятая репетиция: «Я дам, дам...». А режиссер у нас был человек терпеливый, но не без язвительности, как положено. Видели бы вы, с каким выражением он в день генеральной из кулисы на сцену выглянул: «Пора, — говорит, — давать...». Вот я и говорю — пора, братцы, ведь уж и генеральная отговорила — отлясала, публика собралась, не знаю насчет зрелищ, но хлеба точно просит! А то у меня товарищ, тоже народный артист, шестой год пиджак купить не может, «застойный» донашивает. На Западе актер, если там есть народные, от Кардена одевается, а мы все «от Брежнева».

— Но ведь это примета нового времени, это, по сути дела, наличие приметы рынка, на котором настаивают политики «новой волны».

— Это не «лицо рынок», это «рынок на лице»: что мы едим, чем бреемся и у кого стрижемся... И даже не рынок, а базар...

Я человек крестьянской заправки, основательность уважаю. Эти проекты непросчитанные — так ведь это политиканство, а не народная политика. Прыг-скак — это ж для профессионального политика преступление.

— Но вот избран все же Президент России, мэр столицы. И, между прочим, они тоже обещают городу и республике процветание...

— Я лично о российском Президенте знаю немного, он мной еще не руководил. Мы, русские, вечно уповаем на «доброе» нового царя. И выборы поэтому прошли с каким-то надрывом. У Ельцина, как у неруководившего, шансы, конечно, были повыше, чем, скажем, у Рыжкова. Но ведь мы с неприимчивостью нашей и обидами тоже непредсказуемы: некоторые голосовали не столько за Ельцина, сколько против, скажем, Макашова или Рыжкова. Ельцин, прямо скажем, в создании имиджа — вот прицепилось слово! — популярного народ-

ного лидера немало преуспел. Но тут есть опасность несовпадения. Мой товарищ, отличный режиссер, решил «попробовать» себя в качестве актера. И вот недавно на моем юбилее встретились мы в нашем «киношном» ресторане. Официант, разумеется, все больше ко мне обращается: «Довольны ли, не надо ли чего?». «О, — расстроился тут мой товарищ, — это до такой популярности мне много сниматься надо!». Так, говорю, ведь официант и счет мне принесет.

Так что воскликнуть сейчас после выборов: «Смотрите, кто пришел, а тем более — кто прошел!», — я пока не могу. Давайте встретимся через год и поговорим на эту тему.

— Вы — любимый народом актер, многие ваши роли — из «Свадьбы в Малиновке», «Двенадцати стульев» — попросту незабываемы. Как складываются ваши отношения с режиссерами «обновленного» кинематографа?

— За последний год прочел

шестнадцать сценариев. Остановился только на одном. Сниматься, чтобы мелькнуть, — стыдно перед зрителем. Это пусть юные актрисы, которые и на съемки-то уже полуодетые приходят, мелькают. У меня за плечами школа-студия МХАТа все-таки. Актрисы, которые учились со мной, и те, кто прошел эту школу в последующие годы, не пойдут в такое кино. Может быть, это называется совестью, которой всем нам так сейчас недостает.

Зато с удовольствием езжу на встречи со зрителями. И знаете, самое важное в этом деле — уходить после встречи через зал. Еще не разошлись зрители, мы улыбаемся друг другу, мне пожимают руку: «Приезжайте еще...». Так вот, очень хочется, чтобы и политики не прятались в машины со шторками, а шли через зал. Тут-то и станет ясно, доставит ли нам взаимную радость эта встреча, встреча «крупным планом».

Т. ГАРМИЗЕ.